

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАЛЬЧИШКА

27 января Петербург отметил, пожалуй, «самую ленинградскую» дату - День полного освобождения города от фашистской блокады. 67 лет назад, 27 января 1944 года, советские войска после двухнедельного наступления полностью освободили Ленинград от 900-дневной осады. Наша газета продолжает публиковать истории жителей округа Гагаринского, которые были свидетелями той страшной эпохи. В этом номере своими воспоминаниями с нами поделится Евгений Иванович МИХАЙЛОВ с Витебского, 21.

О МОЕЙ МАМЕ И ШКОЛЕ

Моя мама ещё до войны устроилась на 16-й хлебозавод лифтершей, несмотря на то, что буквально в первые месяцы войны её отправили на оборонные работы (в пределах города), директор разрешил им раз в день приходить домой пить чай. И хотя мама имела страшную цингу, опухли ноги, выпали зубы, но нас, меня и старшего брата, она спасла. К маме начальник завода относился очень хорошо. Он сказал: «Нет смысла отправлять сына в эвакуацию. Другие едут к родственникам или имеют много денег. Лучше пусть здесь останется. А мы поможем.»

До войны я окончил только два класса (в школу пошёл с восьми лет), имел похвальные грамоты за «Отличную успеваемость и примерное поведение». Во время войны я учился в 32-й школе Октябрьской железной дороги на улице Восстания, дом 4. До революции там размещалась женская гимназия, а теперь наоборот - училище только мальчишки. Условия в этой школе были хорошие - нам

пересаживались из кузова в кабину. Несмотря на достаточно высокую скорость, ребята вскакивали на машину, отворачивали угол брезента, скидывали несколько листов и выпрыгивали. Однажды охранник даже выстрелил, но только в воздух, чтобы поугаты.

О МОЕЙ БОЛЕЗНИ

Зимой 1942 года умер от дизентерии мой двоюродный братик Юрик, сын маминной сестры. У соседа по нашей квартире были доски: сколотили гробик и повезли на санках на Волково кладбище. Даже сварили «кутю», а я забыл поддеть под пальто тёплый ватничек. Было очень холодно. На кладбище было много незарытых трупов, но особенно нас поразила лежащая женщина, у которой были вырезаны мягкие части

тела (груди и прочие)...

Мы долго находились на кладбище. Земля была очень промёрзшей: но нам все же как-то удалось похоронить Юрочку, и мы пошли домой. Дома я слег, температура поднялась до 40 и более. Вызвали врача, которая пришла только на третий день, и мельком взглянув на меня, сказала: «Мы таких не лечим». А я уже несколько дней ничего не ел, только просил пить, и мама давала мне немного воды, тщательно её прокипятив. Потом она пошла в 19 поликлинику (на Обводном, около Лиговки, 130), отстояла длинную очередь (врач принимала на четвертом этаже, там пока люди дожидались своей очереди, некоторые падали, и их уже мертвых относили под лестницу).

Войдя в кабинет, мать положила на стол буханку хлеба (я не ел хлеба, но мама сохранила мой паек) и сказала: «Спасите мне сына». Врач ответила матери: «Пошли!». Тут уже она осмотрела меня внимательно, дала какие-то порошки, которые я выпил, сказала: «Теперь все зависит от вас!» и ушла. Буквально в этот же день нас навещил наш дальний родственник, майор ПВО, и, сказав, что мы не дадим Жене умереть, достал довольно приличный кусок копчёной колбасы, который я с удовольствием съел. Через день к нам приехал папин сослуживец, который отправлялся на фронт после лечения в госпитале. Он мне подарил банку американской тушёнки, которая была для меня самым лучшим лекарством. Я держал её у груди и долго не ел - жалел. В общем, как говорится: «Господь помог» - я поправился.

ного люка и тащил по крутой лестнице на пятый этаж. На лестнице обычно лежали трупы: их было много, но я уже привык, отодвигал ногой и шёл дальше.

Мы жили очень бедно. У меня не было тёплых ботинок, чтобы ходить в школу. И я носил солдатские кирзовые сапоги. Часто в отверстия подмёток набивался снег, и образовывались на полу лужи. И вдруг на наш класс выдали ордер на обувь. Классная воспитательница сказала: «Нам дали ордер на ботинки. Никто не будет возражать, если этот ордер мы дадим Жене Михайлову? (т.е. мне)». Никто не возражал.

В начале войны мы почти каждую ночь во время воздушной тревоги спускались в бомбоубежище по 6-8 раз за ночь. «Воздушная тревога!» - «Отбой воздушной тревоги!». Это изматывало. А потом мама сказала: «Все дети! Больше не будем никуда спускаться. Лучше читайте молитвы. Вернее будет!». Так мы и делали. И остались живы.

Помню, однажды отец заехал к нам, когда работал на Дороге жизни, и привёз нам ногу от убитой лошади. Мы сообщили всем близко живущим родственникам и друзьям. Ногу разрубили на куски и стали варить, было много пены. Но все ели, даже не дождавшись окончания варки, и были страшно довольны.

В 1943 году было уже легче: работала канализация, вода поступала в раковину, только нас предупреждали, чтобы мы не закрывали до конца кран, иначе вода замёрзнет, и трубы лопнут. У меня до сих пор осталась привычка не до конца прикрывать кран.

О БЛОКАДНОМ ДОСУГЕ

Зимой мы катались на коньках прямо по улице Марата, цепляясь за машины. Однажды я не успел приподнять носки на трамвайных рельсах при повороте с Колокольной на Марата и полетел под машину. Хорошо, что машина шла с большой скоростью, и я не попал под колеса, но было очень больно. А летом мы играли в футбол: ребята с Марата против мальчишек с Пушкинской (от Невского до Кузнечного). В одном классе со мной учился Ваня Баев, а его брат Петя был постарше года на два. Как только мяч попадал к нему, то он буквально вертелся у него в ногах, шёл как бы напролёт, проходил 4-5 человек и забивал. Счет у нас был 6:1 и даже 8:0 в нашу пользу. Потом ребята с Пушкинской нам сказали: «Будем с вами играть, только при отсутствии у вас Баева». Помню, в начале войны, когда я играл с ребятами на Пушкинской улице, вдруг над нами очень низко пролетели два самолета с крестами на крыльях (в кабине даже видны были летчики), и на нас посыпались листовки (братание немцев с власовцами), это мы потом поняли. А в 1944 году я присутствовал во время торжественной встречи двух фронтов: Ленинградского и Тихвинского. Это было на Московском проспекте, в районе Средней Рогатки (Московские ворота). Это было летом. Было

27 января Петербург отметил, пожалуй, «самую ленинградскую» дату - День полного освобождения города от фашистской блокады. 67 лет назад, 27 января 1944 года, советские войска после двухнедельного наступления полностью освободили Ленинград от 900-дневной осады. Наша газета продолжает публиковать истории жителей округа Гагаринского, которые были свидетелями той страшной эпохи. В этом номере своими воспоминаниями с нами поделится Евгений Иванович МИХАЙЛОВ с Витебского, 21.

О МОЕЙ МАМЕ И ШКОЛЕ

Моя мама ещё до войны устроилась на 16-й хлебозавод лифтершей, несмотря на то, что буквально в первые месяцы войны её отправили на оборонные работы (в пределах города), директор разрешил им раз в день приходить домой пить чай. И хотя мама имела страшную цингу, опухли ноги, выпали зубы, но нас, меня и старшего брата, она спасла. К маме начальник завода относился очень хорошо. Он сказал: «Нет смысла отправлять сына в эвакуацию. Другие едут к родственникам или имеют много денег. Лучше пусть здесь останется. А мы поможем.». До войны я окончил только два класса (в школу пошёл с восьми лет), имел похвальные грамоты за «Отличную успеваемость и примерное поведение». Во время войны я учился в 32-й школе Октябрьской железной дороги на улице Восстания, дом 4. До революции там размещалась женская гимназия, а теперь наоборот - учились только мальчишки. Условия в этой школе были хорошие - нам давали завтраки: хлеб, кашу, масло, чай, иногда получали посылки, ботинки (по ордеру) и так далее.

О ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ

Мёртвых мы не боялись - боялись живых. Однажды, когда я ходил за хлебом, за мной погнался мужик с ножом, но я от него убежал. Потом за хлебом мы ходили вдвоём с братом Анатолием. Однажды, когда стояли в очереди за хлебом на Тамбовской улице, дом 2. Женщина, получив хлеб, стала прятать карточки, а какой-то маленький мальчик схватил её хлеб и сунул в рот. Его сразу же схватили, разбили ему нос, а он старался как можно скорее съесть этот хлеб.

Помню, на площади Калинина, около кинотеатра «Гигант» были показательные казни пойманных немецких солдат - их вешали. Я видел 2-3 таких казни. Площадь битком была забита народом. Стояла машина. Они поднимались по лестнице. Немец сам одевал петлю на шею, и автомобиль отъезжал.

В очень холодную зиму 1941-42 годов некоторые мальчуганы шли на очень большой риск. По набережной Обводного канала иногда с большой скоростью проходили грузовые машины с листами дуранды, сверху покрытые брезентом. В очень холодное время охранники

лежаша женщина, у которой были вырезаны мягкие части

тела (груди и прочие)...

Мы долго находились на кладбище. Земля была очень промёрзшей: но нам все же как-то удалось похоронить Юрочку, и мы пошли домой. Дома я слег, температура поднялась до 40 и более. Вызвали врача, которая пришла только на третий день, и мельком взглянув на меня, сказала: «Мы таких не лечим». А я уже несколько дней ничего не ел, только просил пить, и мама давала мне немного воды, тщательно её прокипятив. Потом она пошла в 19 поликлинику (на Обводном, около Лиговки, 130), отстояла длинную очередь (врач принимала на четвертом этаже, там пока люди ждали своей очереди, некоторые падали, и их уже мертвых относили под лестницу).

Войдя в кабинет, мать положила на стол буханку хлеба (я не ел хлеба, но мама сохранила мой паек) и сказала: «Спасите мне сына». Врач ответила матери: «Пошли!». Тут уже она осмотрела меня внимательно, дала какие-то порошки, которые я выпил, сказала: «Теперь все зависит от вас!» и ушла. Буквально в этот же день нас навещил наш дальний родственник, майор ПВО, и, сказав, что мы не дадим Жене умереть, достал довольно приличный кусок копчёной колбасы, который я с удовольствием съел. Через день к нам приехал папин сослуживец, который отправлялся на фронт после лечения в госпитале. Он мне подарил банку американской тушёнки, которая была для меня самым лучшим лекарством. Я держал её у груди и долго не ел - жалел. В общем, как говорится: «Господь помог» - я поправился.

О НАШЕМ БЫТЕ

Про те годы говорили, что «живём, как по маршруту трамвая: от острова Голодай до Волкова кладбища». Но были и те, которые жили очень неплохо. Про таких сказывали: «Кому война, а кому мать родна».

В 1943 году мы переехали на улицу Марата, дом 16, квартира 39, там был камин, который мы усиленно стали топить, да еще закрыли заслонку раньше времени. Мы бы все погибли, если бы соседи не вызвали скорую, которая находилась тогда на углу Марата и Невского. Кстати, рядом с этим местом упала и, к счастью, не разорвалась бомба весом минимум 500 кг. Она длительное время так там и торчала, пока её не убрали. А дом №10 был полностью разрушен в связи с прямым попаданием (помню, я тогда даже слетел с кровати).

Во время блокады мы часто дежурили на крышах. «Зажигалки», которые, пробивая кровлю, попадали на чердак, мы засыпали песком и гасили в бочках с водой. Летом я вытаскивал маленькие брёвна из Обводного и тащил их домой на топку. Это было очень тяжело, так как бревна были мокрые, а у меня с детства был повреждён позвоночник. А зимой в страшной темноте я ходил за водой с двумя маленькими ведрами, черпал из канализацион-

В 1943 году было уже легче: работала канализация, вода поступала в раковину, только нас предупреждали, чтобы мы не закрывали до конца кран, иначе вода замёрзнет, и трубы лопнут. У меня до сих пор осталась привычка не до конца прикрывать кран.

О БЛОКАДНОМ ДОСУГЕ

Зимой мы катались на коньках прямо по улице Марата, цепляясь за машины. Однажды я не успел приподнять носки на трамвайных рельсах при повороте с Колокольной на Марата и полетел под машину. Хорошо, что машина шла с большой скоростью, и я не попал под колеса, но было очень больно. А летом мы играли в футбол: ребята с Марата против мальчишек с Пушкинской (от Невского до Кузнечного). В одном классе со мной учился Ваня Баев, а его брат Петя был постарше года на два. Как только мяч попадал к нему, то он буквально вертелся у него в ногах, шёл как бы напролёт, проходил 4-5 человек и забивал. Счет у нас был 6:1 и даже 8:0 в нашу пользу. Потом ребята с Пушкинской нам сказали: «Будем с вами играть, только при отсутствии у вас Баева». Помню, в начале войны, когда я играл с ребятами на Пушкинской улице, вдруг над нами очень низко пролетели два самолета с крестами на крыльях (в кабине даже видны были летчики), и на нас посыпались листовки (братание немцев с власовцами), это мы потом поняли. А в 1944 году я присутствовал во время торжественной встречи двух фронтов: Ленинградского и Тихвинского. Это было на Московском проспекте, в районе Средней Рогатки (Московские ворота). Это было летом. Было много цветов.

О ТЕАТРЕ И КОНЦЕ БЛОКАДЫ

В школе я подружился с Колей Голубевым, его мама Людмила Михайловна работала врачом в театре Музыкальной комедии, который во время войны размещался в здании академического театра имени А.С.Пушкина. Обычно мы после уроков шли сразу в театр. У Людмилы Михайловны была комната на пятом этаже (врачебный кабинет размещался на втором этаже). Там она нас подкармливала, затем мы делали уроки и шли на галерку смотреть спектакли. У Коли не очень хорошо было с учебной (не зря после седьмого класса он ушел из школы и, окончив арктическое училище, отбыл в плавание на Север). Мы помногу раз смотрели все представления, даже иногда участвовали в массовых сценах. Хорошо помню артистов Енота, Кедрова и особенно Свизерского (он замечательно играл Попондополу в «Свадьбе в Малиновке»). И в день снятия блокады 27 января 1944 года мы были в театре (по-моему, шло «Раскинулось море широко»). Как только началось третье действие, вдруг включили свет и объявили: «Блокада снята». Мы выскочили из здания, шел мелкий пушистый снег, мы обнимались и смеялись, хотя многие плакали... 5